

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2014

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Г. Бобров. Смех в «Повести временных лет»	5

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Первая мировая война. Введение к теме	23
О. А. Кузнецова. «Букет для Карсавиной» от «Бродячей собаки»	29
Т. В. Мисникевич. Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста	42
Н. Ю. Грякалова. «Бой в лубке». К интерпретации фрагментов «сверхповести» Велимира Хлебникова «Война в мышеловке»	63
«Россия — культурна, но не цивилизована; Германия — вот ее антипод». Письма Б. А. Кржевского к Мигелю де Унамуно и эссе Унамуно «Необычный русофил» (публикация и перевод К. С. Корконосенко)	74
В. Е. Багно. Испанская «ниша»: дягилевский балет в годы Первой мировой войны	78
Федор Сологуб. «Мистика войны и утопия вечного мира» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	83

А. И. ГЕРЦЕН. ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

М. Д. Кузьмина. Мир как театр в «Сороке-воровке» А. И. Герцена: драма, рассказанная эпиком	103
Ю. А. Рыкунина. Роман с «сенсацией»: как Герцен и Огарев стали персонажами массовой литературы	115
В. А. Котельников. Русская драма на Лигурийском берегу (А. И. Герцен и Георг Гервер)	122

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АХМАТОВОЙ

П. Е. Поберезкина (Украина). Ахматова и Лермонтов	131
Татьяна Викторофф (Франция). Сплин и ностальгия: Анна Ахматова в диалоге с Шарлем Бодлером	145
В. А. Черных. Еще раз об образе «тени» в поэзии Анны Ахматовой	152
Л. Г. Кяхней. Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой	156

«...Письма к Вам писались во мне днем и ночью...»: письма Л. К. Чуковской к А. А. Ахматовой (публикация Е. Ц. Чуковской и Н. И. Крайневой)	176
Роман Тименчик (<i>Израиль</i>). Анна Ахматова и советский читатель	190

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. И. Николаев. Житие протопопа Аввакума на польской сцене	207
А. В. Волков. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского и «Метаморфозы» Овидия	213
С. А. Фомичев. О плане пьесы А. С. Грибоедова «1812-й год»: античные контуры . .	222
А. М. Березкин. Сакральные коннотации в семантике поэтического образа: «Пророк» Н. А. Некрасова	229
О. В. Макаревич. Н. С. Лесков и Ж. Э. Навиль. К вопросу о влиянии идей западноевропейского богословия на творчество писателя	241
Н. А. Богомолов. К генезису дихотомии «язык поэтический — язык практический»	250
М. В. Ефимов. О присутствии Рихарда Вагнера в романах В. Набокова (к теме «Набоков и Блок»)	256
Г. В. Обатнин. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове	264
Ирина Рудик (<i>Эстония</i>). К истории работы Марины Цветаевой над поэмой о Есенине	282
Сонг Чжон Су, Ким Се Ил (<i>Республика Корея</i>). Литературно-эстетический диалог Андрея Платонова с постсимволизмом	294

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. С. Черёмин. Новое прочтение сочинений Н. С. Лескова	305
Т. Г. Иванова. Сказки Волдозерья	306

ХРОНИКА

Е. Д. Коусова. Международная научно-практическая конференция «Testis temporum. Дневники и воспоминания в русской литературе XX века»	309
С. А. Ипатова. Научная конференция «Иван Тургенев: жизнь и судьба» (к 195-летию со дня рождения)	316

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

© А. М. ГРАЧЕВА

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ВВЕДЕНИЕ К ТЕМЕ

В настоящее время можно с определенностью отметить значительную изученность творчества Алексея Ремизова периода 1901—1913 годов. Также не оставлены вниманием ученых периоды 1917—1921 годов и эмиграции, хотя нельзя говорить о равноценном исследовании разных стадий этих этапов. И лишь период с 1914 по 1917 год — время особой литературной активности Ремизова, пора, непосредственно связанная с многоаспектным восприятием им Первой мировой войны, — во многом представляет собой «белое пятно» в складывающейся посредством общих усилий картине его творческого пути.

Раскрытие темы «Алексей Ремизов и Первая мировая война» предполагает решение ряда задач, некоторые из которых отметим особо.

Во-первых, это изучение влияния событий войны и сложившейся в результате внутрисоссийской экономической и общественно-политической ситуации на реальные обстоятельства жизни писателя.

Во-вторых, анализ изменений эстетических параметров произведений Ремизова, трансформаций, связанных как с общими переменами парадигм литературного процесса указанного периода, так и с имманентным развитием его творчества.

В-третьих, изучение воздействия осмысления писателем Первой мировой войны на эволюцию его историософских взглядов и выявление их связей с ремизовской историософской концепцией Второй русской революции.

Целью настоящей статьи является только предварительное обозначение ряда составляющих заявленной темы, каждая из которых в дальнейшем заслуживает особого научного исследования.

К 1914 году Ремизов не только по праву занял место в ряду литературной элиты Серебряного века, но и упрочил свое материальное положение. В 1910—1912 годах его собрание сочинений было опубликовано издательствами «Сирин»¹ и «Шиповник».² В конце весны и летом 1914 года полученные гонорары позволили писателю вместе с женой осуществить заграничное

¹ Ремизов А. Соч.: В 8 т. СПб.: Сирин, 1910—1912.

² Ремизов А. Соч.: В 8 т. СПб.: Шиповник, 1910—1912.

путешествие во Францию и Италию. Их возвращение домой совпало с началом войны России с Германией. 3 августа писатель оказался в Берлине и на себе испытал тяготы и унижения российских подданных, депортируемых на Родину. Из Берлина Ремизов вместе с женой был отправлен по железной дороге в Щецин, затем пароходом перевезен на остров Рюген, далее отплыл в Швецию, а уже оттуда — в Санкт-Петербург. Жизненный эпизод депортации в Россию, в котором проявилось отношение к русским не только властей, но и «патриотически настроенных» жителей Германии, произвел на Ремизова, давнего поклонника немецкой культуры, творчества Гофмана и Новалиса, сильнейшее эмоциональное воздействие, вызвал не теоретическое, а личностное переживание начавшегося мирового катаклизма. По свежим воспоминаниям он написал рассказ «Полонное терпение» (1914).³ В нем отражены непосредственные впечатления от истории его возвращения в Россию. В частности, в результате насильственных переездов литератор, как и многие возвращавшиеся русские, лишился багажа, в котором, кроме личных вещей, были его рукописи и комплекс записных книжек с творческими планами, набросками и записями редких слов, используемых писателем в процессе работы над языком произведений. «Тут и о багаже своем вспомнили: выдадут ли его или сожгут, как стращали. — У меня там драгоценные самоцветные камни и жемчуга у меня там, за много лет большими трудами собрал я, — слова, как камни самоцветные, и слова, как жемчуги (так! — А. Г.), народа нашего, я хотел венец слить, убрать камнями, обнизать жемчугом — дар народа русского на великую его святыню, на вольное страдание. Барышня ничего не понимала: какие камни, какие самоцветные? (...) А там за Варяжским морем, там скоро и близко Россия, куда во все дни и ночи устремлялась душа, и без которой не надо и жизни, Россия, великая родина наша».⁴ Об утрате записных книжек писатель сожалел всю оставшуюся жизнь.

В России ситуация военного времени, как известно, повлияла на издательское дело, что ухудшило жизненные обстоятельства Ремизова. Потребность в постоянном литературном заработке, а также и специфика его восприятия войны способствовали активному сотрудничеству писателя с такими изданиями, как журналы «Отечество», «Лукоморье»; участие в посвященных военной теме подборках газеты «Биржевые ведомости», журналов «Огонек», «Вершины» и др., а также в альманахах и сборниках «В тылу» (Пг., 1915), «В год войны» (Пг., 1915), «Невский альманах жертвам войны» (Пг, 1915), «Полон» (Пг., 1916), «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916), «Страда» (Пг., 1916).

Публиковавшиеся в периодике военных лет ремизовские тексты малых форм (рассказы, слова, сказки, легенды) в дальнейшем составили основу сборников «За Святую Русь» (Пг., 1915), «Укрепя. Слово к русской земле, тайностах земных и судьбе» (Пг., 1916), «Среди мурья» (М., 1917), «Трава-мурава. Сказ и величание» (Берлин, 1922; наборная рукопись была подготовлена в Петрограде, в феврале 1917 года). Комплекс этих сборников позволяет целостно представить тематику и поэтику малой прозы Ремизова указанного периода. Их подробное научное изучение — дело дальнейших исследований. В настоящей статье будет только намечен ряд общих черт, характеризующих эту прозу.

В период 1914—1917 годов произошло изменение ориентации авторского слова Ремизова: от раннего эстетизма, обращенности к избранному, подчас рафинированному читателю — к адресации к читателю демократическо-

³ Ремизов А. За Святую Русь. Думы о родной земле. [Пг.], 1915. С. 13—39.

⁴ Там же. С. 37—38.

му, зачастую простонародному. В этом плане имманентная направленность эстетической эволюции Ремизова совпала со стилиевой ориентацией ура-патриотических изданий,⁵ нацеленных на публикацию произведений, доступных и потребляемых массовой читательской аудиторией (солдатами, городскими низами).

Писатель начал все шире использовать стилистические возможности сказа. Именно в эти годы он обратился к жанру «солдатской сказки». Произведения такого жанра в дальнейшем вошли в цикл «Страдной России» сборника «Укрепа». Одной из таких сказок была и «Доля солдатская» — повествование о черте, ради уловления души подменившем воина, отправившегося на побывку: «И решено было у солдата с чертом: солдат неделю и другую и третью на родине проживет, а черт это время в окопах просидит».⁶ Служба и ее тяготы оказались такими трудными, что в конце сказки черт сломя голову бежал в ад, забыв про купленную им солдатскую душу. В хранящемся в Пушкинском Доме авторском экземпляре сборника «Укрепа» недавно был обнаружен вложенный лист — тщательно переписанное Ремизовым письмо читателей:

«Петроград
Б(ольшая) Болотная, 10
для журнала „Отечество”
Главная контора
передать автору статьи „Доля солдатская” Алексею Ремизову

№ 1000000
Петроград 8. X. 1915

Управление Минского уездного воинского начальника (для пакетов)

г. Ремизов! Солдатское Вам спасибо!

За Вашу статью, за Ваше слово 1000000 раз спасибо.

Действительно! Вы поняли нас, Вы узнали нашего солдата.

Да! Много он терпит.

Вечно Вам благодарные:

П. Самойлов
Деткин
Сорокин».⁷

Переписывание Ремизовым текста этого послания и его хранение внутри книги свидетельствует о важности для писателя получения подобного отклика от читателей из народа.

Кроме сказок, в годы войны Ремизов опубликовал свои пересказы легенд о св. Николае, патериковых рассказов, а также цикл Царьградских сказаний. Как удалось установить О. А. Линдеберг,⁸ цикл был задуман Ремизовым еще осенью 1914 года. В поисках исходных текстов-источников ему помогал историк И. А. Рязановский. Так, в письме к последнему от 30 апреля 1915 года Ремизов сообщал: «Разговаривал я с „Лукоморьем”,

⁵ См.: Вильчинский В. П. Литература 1914—1917 годов // Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972. С. 252.

⁶ Ремизов А. Укрепа. Пг., 1916. С. 23.

⁷ Ремизов А. <Письмо читателей> // ИРЛИ. Пост. 2013. № 41.

⁸ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 6. Лимонарь. С. 692; см. также: Линдеберг О. А. К вопросу об источниках книги А. Ремизова «Трава-мурава» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева, А. Д'Амелия. СПб.; Салерно. 2003. С. 85—92.

можно будет издать две книги: роскошное издание о Софии и обыкновенное, куда войдет все остальное».⁹ Сказания должны были выйти в 1916 году в издательстве «Лукоморье» отдельной книгой под заглавием «Чаемый Царьград» с иллюстрациями Н. Гончаровой. Издание не состоялось. В дальнейшем этот цикл был включен Ремизовым в книгу «Трава-мурава», напечатанную уже в 1922 году в Берлине. Характеризуя Царьградские сказания, надо отметить, что, хотя время создания цикла совпало с актуальными в тот момент ура-патриотическими настроениями завоевания Стамбула (Константинополя), ремизовские тексты лишены и тени шовинизма. В них основное внимание было уделено одной из тем, лейтмотивно проходящих через все творчество писателя, — воскрешению легендарной истории создания на земле святого места — храма Святой Софии Премудрости Божией.

Еще в 1900-е годы Ремизов, пересмотревший свои бывшие радикальные убеждения, отошел от теорий революционного переустройства мира и обратился к пониманию процесса исторического развития России как движения народной души. Основу онтологической концепции писателя, проявившейся в его произведениях тех лет (в романе «Пруд», цикле «Лимонарь»), составили почерпнутые из раннехристианских апокрифов богомилские представления о мире, лежащем во зле и находящемся во власти Сатанаила. В свете этих воззрений путь России представлялся писателю, использовавшему образы «Откровения Мефодия Патарского», тупиковой дорогой проклятого, «затворенного», «псоглавого»¹⁰ народа.

Доминировавшие в ремизовском творчестве в начале 1900-х годов сюжеты апокрифов о первотворении в 1910-е годы заменились вариантами апокрифов эсхатологических, повествовавших о наступающих или о уже наступивших этапах последних времен. Фактически именно они вместе с каноническим текстом Апокалипсиса были источниками художественной концепции повести «Пятая язва» (1912). Движение ее сюжета подчинено раскрытию темы Страшного суда, становящейся к концу произведения центральной. В таком эсхатологическом контексте Ремизов осмыслял судьбу русского народа как движение по кругам очищающих мучений. Крестовый подвиг Христа был осознан им как провиденциальный символ пути России. Эта телеологическая идея легла в основу ремизовской историософской концепции, которая в своих основных параметрах сформировалась в начале 1910-х годов, а с 1914 года обрела четкие очертания.

Начало Первой мировой войны было расценено Ремизовым как явление наступления последних времен — апокалипсиса. Тексты произведений писателя, созданных в военные годы, показывают, что ремизовские патриотические настроения не имели антигерманской окраски. По мысли Ремизова, Германия, как и другие страны, подверглась нападению трансцендентного Зла.

Кроме сказок, легенд, созданных, как говорил сам писатель, «по материалам», т. е. имевших источник — текст-прототип, в 1914—1917 годах им были написаны рассказы о современной городской жизни, в которую вошла война. Основная масса этих произведений составила цикл «Среди мурья и неурядицы» книги «Среди мурья». Как правило, фабула рассказов («Сестра усердная», «Чайничек», «На птичьих правах», «Днесь весна», «Китаец»

⁹ Ремизов А. М. Письмо А. И. Рязановскому. 30 апреля 1915 года // РНБ. Ф. 634. № 32. Л. 44.

¹⁰ Ремизовская литературная игра, основанная на сопоставлении цитаты из «Откровения Мефодия Патарского» («псоглавый народ») с устойчивым словесным клише «народ-богоносец» и с иконографией св. Христофора «Богоносца», изображаемого в образе человека с песьей головой.

и др.) — это печальный анекдот из жизни петербургских «маленьких людей», преемственно связанный с тематикой ремизовских «Крестовых сестер». В этих повествованиях роль inferнального Зла, коверкающего жизнь героев, отведена многоликому образу Войны. Так, например, в рассказе «Чайничек» (1915) герой — мелкий петербургский чиновник Воробушкин — отправился отдохнуть в имение друга и там столкнулся с незаметным, но потрясшим его сердце горем обиженной беженки Марии и с событием, увиденным многими, — с неожиданно вспыхнувшим неподалеку пожаром. Образ последнего превратился в рассказе в метафору начавшегося мирового пожара, который грозил России дальними роковыми последствиями: «Воробушкин бегал смотреть на пожар: к пожару всегда тянет. Пожар был неподступный (...) И надолго осталось в памяти, как тащили огромные черные багры, и виделась Воробушкину Россия — пожар, и бежит народ (...) „А что если поджог?“ — подумалось тогда, и увидел он в глазах бегавшего народа тот же самый вопрос. И было грозно и страшно. Глаза искали: кто поджог? Где поджигатель? И он видел Россию — пожар, и бежит народ и, как последнее, тащат эти огромные черные багры не тушить пожар неподступный, такого так не затушить — воля Божья! — а бежит народ расправляться с теми, с тем, на кого скажет, не крикнет, а только скажет тот вон рыжий всклокоченный мужик, прибежавший за много верст из дальней деревни».¹¹ Реалистическое, на первый взгляд, описание подчинено раскрытию потаенного апокалиптического смысла. Сравним в тексте Библии: «И вышел другой конь, рыжий: и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга» (Откр. 6: 3).

Рассказы Ремизова военного периода характеризуются постепенным ослаблением сюжетности и все более значимым тяготением к лироэпическому началу. Все интенсивнее используется поэтика и стилистика древнерусского жанра слова. После анализа малых видов прозы Ремизова 1914—1917 годов очевидно, что знаменитое «Слово о погибели русской земли» (1917) и последующие «слова», созданные писателем в революционный период, были органичным продолжением линии, начатой еще в 1912 году в «Пятой язве» и активно существовавшей в его творчестве военных лет. В 1914 году Ремизов создал текст «Червлёный щит» — жанровый эксперимент, ориентированный на прямую переключку со «Словом о полку Игореве»: «Не в Путивле, за Волгой у Медведицы на крути плачет Маша: — Я теперь с горя поднялась бы вверх, да у меня крыльев нету! Я бы пала на низ, да у меня нор нет! О, русская земле... Я верю. Я слышу, необъятная — кондовая Русь и Русь казацкая — вся земля, с Волги, с Волхова, с Дону, с Днепра и с великих вольных сибирских рек и с печальной сестры своей Вислы, осененная святою Русью, подымает за единую душу червлёный щит. Звенит слава, трубы трубят».¹²

В прозе Ремизова военных лет неоднократно возникала характерная для древнерусского жанра слова фигура автора, соединяющего в себе функции певца-сказителя и прорицателя-предвестника. При этом авторское повествование представляло собой ритмическую прозу с повторяющимися темами и лейтмотивными рефренами. Для сравнения можно привести, к примеру, лейтмотивные авторские отступления в рассказе 1916 года «Днесь весна». В начале рассказа: «Андрей Павлович шел по Невскому. Куда же идти ему, бездомному, в Светлый день, — куда нам всем идти за вечерню пасхальную в первый Светлый день? В Невскую Лавру шел он на большую

¹¹ Ремизов А. Среди мурья. М.: Северные дни, 1917. С. 38.

¹² Ремизов А. За Святую Русь. Думы о родной земле. Пг.: Изд. журнала «Отечество», 1915. С. 53.

русскую могилу. <...> Бабушка Ермиония — Россия старая, в чистоте державшая старую русскую веру, огненная Россия, Последняя Русь — бабушка, ты не узнала бы Андрея, внука своего, а помнишь, приходил он к тебе в праздничной голубой рубашке с серебряным поясом, тонкий, как березка <...> страшный, небритый, в картузишке в автомобильном, с папироской идет он, как нечистый, над головами прохожих дым пускает. А луга понаты водой и в лесу от корней мох пополз...»¹³ В конце повествования: «Он перешел Золотоношскую, еще немного и Невская Лавра. Бабушка Ермиония — Россия старая, в чистоте державшая старую русскую веру, огненная Россия, Последняя Русь — бабушка, ты не узнала бы Андрея, внука своего, а помнишь, приходил он к тебе в праздничной голубой рубашке с серебряным поясом, тонкий, как березка <...> С народом, с ребятишками вошел Андрей Павлович в лаврские ворота <...> и, как когда-то с сестрами у могилы бабушки Ермионии, остановился — памятник огненной скорби — *Достоевского*. — Федор Михайлович, Христос воскрес!»¹⁴ Художественная функция этого лейтмотивного рефрена — перевод текста с фабульно-бытового на мистериальный уровень. Актуализация таинства воскресения Христова метафорически ассоциируется с чаемым воскресением народной души, что, по Ремизову, является обетованием возрождения России.

Завершением художественного осмысления писателем войны и ее значения в русской истории стал роман «Плачужная канава» (первоначальное название — «Ров львиный»). Он был начат в 1914 году, закончен в 1917 году, а полностью опубликован в авторской редакции только в 2001 году.

В «Плачужной канаве» наиболее целостно подведен итог предреволюционного развития эстетических и историософских взглядов Ремизова. Современный мир предстал в романе как множественность разделенных составляющих. Людская разъединенность лежала в основе житейских историй героев: любящих друг друга, но так и не соединившихся Марии и доктора Задорского; безнадежного парадоксалиста Будылина; тоскующего по утраченной семье Баланцева; брошенного без людской поддержки Тимофеева. Все герои Ремизова обделены людьми, судьбой, Богом. Роман открывает тема уже наступивших последних времен: «Люди, гоняясь за внешними удобствами жизни, направляли свои мысли и всю силу своего ума не к тому, чтобы найти пути приблизиться и почувствовать друг друга, а лишь только, чтобы облегчить внешнюю сообщаемость между собой. И духовное проникновение притуплялось. Люди летали по воздуху как птицы, а не замечали под носом и самое немудреное человеческое горе. Люди исповедовали единого Бога, Христа и Духа, крест носили на шее, а ведут беспощадные войны, истребляя друг друга, как мух. <...> И будет так: с внешней легкостью общения духовная общаемость совсем прекратится, — ангелы забудут пути к людям — и земля провалится, как Содом и Гоморра».¹⁵ Фабула романа заканчивается изложением судеб героев после начала войны, оказавшей роковое действие на жизнь каждого из персонажей. Доктор Задорский погиб на фронте, других начавшаяся с войной новая эпоха привела через страдания к духовному очищению.

В романе «Плачужная канава» Ремизов использовал все основные новации своего творчества периода 1914—1917 годов в области поэтики. Дробная фабула произведения приобрела целостность за счет лежащего в ее основе лирического сюжета, объединяющего повествование голосом автора-рассказчика. Отдельные сюжетные эпизоды соединены вставками —

¹³ Ремизов А. Среди мурья. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 97.

¹⁵ Ремизов А. Собр. соч. М., 2001. Т. 4. Плачужная канава. С. 508.

лироэпическими авторскими отступлениями, по жанровым признакам тяготеющими к древнерусскому жанру слова. Историсофская концепция романа была подчинена апокалиптической трактовке современности как эпохи поэтапного наступления последних времен. Неслучайно первая редакция романа заканчивалась символическим осмыслением Первой мировой войны, к которому потом было добавлено постижение событий Февраля и Октября 1917 года. В концепции «Плачущей канавы» последовательно развивалась ремизовская идея о закономерности российской истории, в которой Первая мировая война была преддверием революции. Ремизовское предчувствие грядущей национальной катастрофы пронизывало все предреволюционное творчество писателя. Обратим внимание на авторское отступление в рассказе «Китаец» (1916): «Никогда не забуду, как прошедшей весной шел я раз днем по Невскому. (...) И вижу, мне навстречу, и Бог знает, куда это их гнали, к воинскому начальнику что ли, душ пятьдесят, один под стать другому, ободранные и в чем только душа (...) Год прошел, а мне почему-то все вспоминается — и уж не до смеха — досада и какая-то горечь лютая. Я вспоминал в несчастиях наших, я всякий раз вспоминаю, когда на голову измученной, бесталанной родины нашей недоля (...) валит беду за бедой — предательства, измена, происки, погромы, хищение, Господи, с великого-то ума чего-чего только ни натворили мы за это страшное время, — ведь, стыдно в глаза посмотреть! Или это допеваает свою песенку *Петроград?*»¹⁶

Подводя итоги, можно отметить, что Первая мировая война была воспринята Ремизовым как явление одного из всадников Апокалипсиса, и в то же время как попущенное Богом страдание России, пройдя через которое, ее народ очистится и обретет будущее. Условия военного времени не способствовали полноценной печатной реализации творческих замыслов писателя. Итоговое произведение этого периода — роман «Плачущая канава» — осталось неизвестным современникам. Предварительный краткий анализ творчества Ремизова периода 1914—1917 годов позволяет сделать вывод о том, что именно в это время были заложены основные эстетические и идейно-философские основы его творчества революционных лет. Языковые и жанровые эксперименты прозы военного времени подготовили появление романа-коллажа «Взвихрѣнная Русь», а также во многом явились предвестниками орнаментальной прозы 1920-х годов.

¹⁶ Ремизов А. Среди мурья. С. 104—105.